

АЛЕКСАНДР СОРОКОВИК

Загадка древней статуэттки

Александр Сороковик
Загадка древней статуэтки

«Издательские решения»

2018

Сороковик А.

Загадка древней статуэтки / А. Сороковик — «Издательские решения», 2018

ISBN 978-5-4490-8213-8

Роман является продолжением книги «Тайна кожаного портфеля», <https://www.litres.ru/aleksandr-sorokovik-10397323/tayna-kozhanogo-portfelya/>, однако «Загадку древней статуэтки» можно читать как самостоятельное произведение. В этой книге молодые супруги Киреевы помогают своим японским друзьям разыскать таинственную древнюю статуэтку из портфеля, фигурировавшего в первом романе, которая на протяжении 400 лет то исчезала, то вновь появлялась, и за ней тянется шлейф загадочных убийств и похищений.

ISBN 978-5-4490-8213-8

© Сороковик А., 2018
© Издательские решения, 2018

Содержание

Часть 4. От Санкт-Петербурга до Маньчжурии	6
Глава 1. Санкт-Петербургская губерния, февраль, 1908	6
Глава 2. Имение Одинцовка, лето 1909 – осень 1919	8
Глава 3. Шанхай, июль, 1940	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Загадка древней статуэтки

Александр Сороковик

Редактор Николай Георгиевич Глушенков

© Александр Сороковик, 2018

ISBN 978-5-4490-8213-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 4. От Санкт-Петербурга до Маньчжурии

Глава 1. Санкт-Петербургская губерния, февраль, 1908

– Всё исполнил, как договорено, ваше благородие. – Сенька Хорь не знал, как следует обращаться к богатому иностранцу, поэтому выходил из положения стандартным «благородием». – Вот, как наказывали, – протянул завёрнутую в нечистую тряпку резную шкатулку.

Тот брезгливо скинул тряпку на землю, открыл крышку, полюбовался содержимым.

– Никто тебя не заметил? – отрывисто спросил он на хорошем русском языке с небольшим акцентом.

– Да кто ж заметит, я своё дело знаю! Этот ваш... под пером-то у меня и не пикнул даже, так во сне и отошёл, прости, Господи. А я коробочку-то отыскал да с машины и сиганул на подъёме, там машинист ходу не даёт, я знаю. Так что я обещанное исполнил, ваше благородие, теперь за вами дело.

Смит достал портмоне, полез в него за деньгами и вдруг остановился.

– Ты, грешным делом, ничего больше не взял у покойника? – резко спросил он у Хоря.

– Насчёт этого разговору не было, ваше благородие. Твой заказ я исполнил, так что давай расчёт, как договаривались. А что там поверх того, это тебя не касается.

– Как договаривались, так и получишь. Но если что взял ещё, то лучше мне отдай. Всё равно барыге снесёшь, он тебе десятую долю даст в лучшем случае. А я тебе сразу тройне увеличу.

– Ну, коли так... – Хорь замялся, вытащил откуда-то из штанов золотые часы на цепочке, золотой же перстень с камушком, блеснувшим в свете луны и кожаный бумажник.

Смит взял вещи, прикинул их стоимость, заглянул в бумажник. Там находились какие-то записки, квитанции, фотокарточки.

– Ладно, это я всё забираю, вот тебе оговоренное да за золото плата. Затаись теперь, никому не хвастай, молчи. Ты меня не знаешь, я тебя тоже. Будь здоров.

Они разошлись в разные стороны. Иностранец направился быстрым шагом к тракту, но по пути свернул к старому болоту. Огляделся, достал перстень и часы и зашвырнул их в трясины. Бумажник набил камнями, перевязал бечёвкой, которую выудил из кармана и тоже утопил. Конечно, жаль потраченных денег, но зато теперь приметные вещи Сенька никому не продаст и не выведет на след.

Снова свернул к тракту, залез в поджидавшие санки с верным, молчаливым кучером Федотом и скомандовал:

– Давай в город, да побыстрее!

На следующее утро Смит отправился на телеграф и дал срочную депешу в Нью-Йорк мистеру Джошуа Теннисону: «ПОЛУЧИЛ ИНТЕРЕСУЮЩИЕ ВАС ОБРАЗЦЫ ЗПТ ЖДУ ВАШЕГО ПРИЕЗДА ТЧК ПРОДОЛЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НУЖДАЮСЬ ДЕНЬГАХ ЗПТ ПРОШУ ПЕРЕЧИСЛИТЬ АВАНС ТЧК»

Через три дня получился ответ: «СВЯЗИ КОНЧИНОЙ МИСТЕРА ДЖОШУА ТЕННИСОНА НЕ МОЖЕМ ПРОДОЛЖИТЬ ВАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗПТ ПОСКОЛЬКУ НЕ ЗНАЕМ ИХ СУТИ ТЧК ПРЕДЛАГАЕМ САМОСТОЯТЕЛЬНО ПРИЕХАТЬ НЬЮ ЙОРК СВЯЗАТЬСЯ НАМИ ТЧК НИКАКИЕ ВЫПЛАТЫ НЕВОЗМОЖНЫ ВЫЯСНЕНИЯ ВСЕХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ТЧК НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ ЗПТ МАРК ТЕННИСОН»

Какой жестокий удар! Джошуа Теннисон был известным учёным, коллекционером древностей, предпринимателем. Именно он нанял Эллиота Смита для розысков таинственной статуэтки Будды из японского монастыря, а когда Эллиот попытался доказать, что она принадлежит ему как брату убитого в Маньчжурии Джека Смита, у которого она была в собственности, Джошуа пожал плечами:

– Вот и хорошо. Вы её найдёте, а я у вас куплю, как у владельца. Если это будет подлинник, я уплачу вам, – он немного задумался, – пятьдесят тысяч долларов. Сейчас я выпишу чек на три тысячи в качестве аванса – на дорожные и иные расходы. Найдёте статуэтку – пришлите телеграмму, только не открытым текстом. Тогда получите второй аванс. После подтверждения подлинности я выплачу всю сумму.

Старик не выглядел больным или умирающим, в свои семьдесят пять лет смотрелся бодро, и никто не мог предполагать такого исхода. Российские газеты сообщили о смерти миллионера несколькими строчками, а вскоре появилась заметка, где сын и наследник – Марк извещал, что он приложит все силы для развития научных исследований отца и его бизнеса. Коллекцию древностей он планирует продать, чтобы освободить для этого средства.

Теперь Эллиот окончательно понял, что придётся выпутываться самостоятельно. Денег, которые у него оставались, едва хватит на поезд в Либаву и пароход до Нью-Йорка, а дальше... Дальше – как получится.

Смит аккуратно собрал все вещи, рассчитался за номер и выехал на вокзал. Хотел сперва оставить проклятую статуэтку в гостинице, но побоялся: пока доедет до Либавы да пока дождётся парохода. Российская сыскная полиция может быть очень быстрой, а шкатулку с Буддой станут искать, и тот, у кого её найдут, должен будет объяснить, как она к нему попала.

За разговорами в пути и время летит быстрее. Попутчик попался немного странный, говорил с акцентом: американец, был в России по торговым делам, сейчас возвращается обратно. Степан Николаевич Одинцов, помещик средней руки, в ответ обстоятельно рассказал ему о своём имени, о супруге Варваре Сергеевне, сыне Александре – поручике артиллерии, и дочери Татьяне, гимназистке.

Особенно гордился Степан Николаевич сыном – красавец, умница, на хорошем счету у командиров, службу блюдёт, да ещё и восточным искусством увлекается, книжки умные читает.

Собеседник на эти слова улыбнулся как-то криво, а когда пришла пора Степану Николаевичу выходить, достал из чемодана свёрток и сунул его в руки помещику:

– Вот возьмите для вашего Александра. Там одна японская статуэтка, она досталась мне по случаю, хотел с собой увезти, да знающие люди сказали, что надо бумаги выправлять, экспертизы проходить. Куда оно мне, пароход послезавтра.

Степан Николаевич рассыпался в благодарностях, но иностранец только махнул рукой и отвернулся к окну.

«Видно, брат, не шибко пошли у тебя дела в России: домой вон, поджав хвост, возвращаешься!»

«Не успел выбросить, так пусть этому индюку останется. Если не дурак, смолчит – так и будет валяться у него где-нибудь в чулане. А разболтает – ему же хуже, возьмут дурака за шиворот. Да я уже далеко буду, до меня не доберутся. Теперь и впрямь она ни к чему – ни продать, ни вывезти. Эх, не вовремя старый хрен помер, не вовремя...»

Глава 2. Имение Одинцовка, лето 1909 – осень 1919

Ах, какое чудное выдалось в тот год лето в Одинцовке! Таня приехала на каникулы с подругой Наташей – весёлой, смешливой, звонкоголосой. Александр привёз сразу двоих друзей: молодых офицеров Митю Косторцева и Нику Шлиппенбаха. Тут же в имение потянулась соседская молодёжь: гимназисты, офицеры, барышни, художники.

Чуть не ежедневно гремела музыка – давали балы, любительские спектакли. Накрывали чай в саду, ужин в зале. Старому лакею Савватию дали в помощь трёх молодцов, и те не всегда справлялись вовремя! Степан Николаевич и Варвара Сергеевна словно помолодели и, хотя жаловались друг другу на шум и суету, выглядели счастливыми.

Они любовались своими детьми – здоровыми, юными, красивыми, а также их окружением – столь же весёлыми молодыми людьми и барышнями. Воздух казался пропитанным смехом, флиртом, радостью и задорной энергией, бьющей ключом.

Солидные родители и опекуны молодёжи собирались в гостиных за винтом, наливками и сигарами, рассуждали о политике, вспоминали старое время. Наблюдали за своими чадами, ревниво сравнивали, составляли в уме марьяжные пары.

В первый же день Сашиного приезда Степан Николаевич зазвал его в кабинет и вручил статуэтку, полученную в поезде от американца. Тот повертел её в руках, воздал должное старинной отделке, но остался равнодушным: как оказалось, его больше не интересовало восточное искусство, он всё своё время посвящает службе, углублённо изучает баллистику, и вообще «Изящными вещами должны барышни заниматься, вот найду себе невесту, подарю ей, пусть любитесь!»

Старшие Одинцовы очень хотели для Саши в жёны дочку соседа Андрея Афанасьевича – Полину. Зная упрямый характер сына, ничего ему не говорили, но наблюдения за молодыми утешения не приносили: Саша одинаково ровно обращался со всеми девушками, красиво танцевал, дурачился, шутил и предпочтения никому не выказывал.

Статуэтка так и лежала в шкатулке у Саши в комнате, ожидая своего часа. Лето кончилось, молодёжь разъехалась, в имении наступила тишина. В следующие годы дети приезжали поодиночке и ненадолго, того весёлого и беззаботного лета 1909-го года больше не повторялось.

Александр рос по службе, получил звание штабс-капитана. На все вопросы о женитьбе отшучивался: «Вот дослужусь до генерала, тогда и подумаю!» Таня составила удачную партию с петербургским чиновником и уехала в столицу.

Старые Одинцовы жили тихо и уединённо, особенно после начала войны с Германией. От Саши приходили бодрые письма с фронта: он получил очередное звание, воевал удачно, даже не был ранен. У Тани родился сын Василий, но они боялись покидать относительно спокойный Петербург, точнее, по-новому, Петроград.

А потом пришёл девятьсот семнадцатый год. Появились бросившие фронт солдаты: злые, крикливые, разложенные красной пропагандой. В Петрограде стало страшно, и Танин муж успел вывезти семью в Финляндию, а потом в Париж.

По всей крестьянской, старозаветной, спокойной Руси в тот год полыхали пожары. Горели поля от августовской жары, горели усадьбы, подожжённые озверевшими фронтовыми дезертирами, вернувшимися в свои деревни, и опьянёнными «свободой» мужиками.

Имение Одинцовых растаскивали и грабили всю ночь, а под утро подожгли вместе с постройками. Добродушных стариков, Степана Николаевича и Варвару Сергеевну, которые никогда не обижали своих крестьян, злодеи перед этим хотели повесить, да не нашлось сразу верёвки, а уже пошёл весёлый грабёж, и чтоб не оставаться в стороне, они их торопливо

застрелили из винтовок. Глухому старику Савватию разбили голову палкой и бросили умирать во дворе рядом с убитыми помещиками.

Шкатулку со статуэткой сначала прихватил какой-то пьяный «освободитель», но потом, по-видимому, разглядел, что ничего ценного в ней нет, и выбросил в угол двора. Там её подобрал и спрятал хромым кучер Никита, в грабеже и убийствах не участвовавший, но и не сделавший ничего, чтоб остановить разбойников.

Летом 1919-го перед наступлением на Петроград, капитан Александр Одинцов, командир артиллерийской батареи в армии генерала Юденича, обеспокоенный молчанием родителей, не отвечавших на его письма, добрался до их имения, вернее до того места, где оно находилось.

Постоял на разрушенном дворе, сжав кулаки и опустив голову. Нашёл хромого Никиту, и тот повёл его к неприметной могилке недалеко от имения, где и покоились останки родителей.

– Через день схоронили, когда солдаты пьяные из имения ушли. Отец Евгений потом их отпел. Хорошо отпел, по всей строгости. Мы кресты поставили на могилах, только имена не написали, страха ради, уж простите нас, Александр Степанович.

Александр снял фуражку, размашисто перекрестился. Никита отошёл в сторону, чтобы не мешать, побрёл к деревне. Его нагнал капитан, отрывисто спросил:

– Кто из наших в убийствах участвовал?

– Кто участвовал, того уж нету, Александр Степанович. Через несколько дней казаки пришли, ну их всех в Волчьем овраге шашками-то и порубали.

– Всех?

– Всех, Александр Степанович, никого не забыли. – он помолчал. – А кого забыли, мы с ребятами напомнили.

Подшли к хате Никиты, Александр вынул папиросы, угостил кучера, закурил сам. Порылся в карманах, достал несколько ассигнаций:

– За могилками ухаживай, цветочки посади, ну, сам знаешь.

– Да не надо денег, я и так ухаживать стану.

– Сам не возмёшь, нищим раздай за упокой, – пожал плечами капитан.

– Тут вот ещё что, – Никита повернулся к дому, – я сейчас, уж вы подождите.

– Вот, сохранил для вас, – он протянул резную шкатулку с японской статуэткой, – больше не осталось ничего.

Александр взял в руки шкатулку, бережно прижал к себе. Губы его тронула горькая улыбка.

– Я не задумывался раньше, фигурка и фигурка. А ведь отец мне её тогда привёз, думал, что я ещё Японией увлекаюсь, угодить хотел. А я, дурак такой, говорю, мол, я уже восточное искусство забросил, оно мне не больно-то и надо. Болван, скотина бесчувственная, что сказать. Отец расстроился тогда, виду не показал, но огорчился. И ведь берёт эту шкатулку-то, хранил у себя. А оно вон как вышло...

Он резко повернулся и, не попрощавшись, зашагал к оставленной у столба лошади. Умчался, поднимая пыль. Уехал, оставляя мёртвое имение с мёртвыми хозяевами и мёртвой, выгоревшей землёй.

Ничего уже не вернётся, никогда не будет того весёлого, беззаботного лета с танцами, флиртом, радостным смехом. С веселящейся молодёжью и сидящими за столами родителями, солидно перебирающими карты или рассуждающими о важном и вечном. О выделении металлического радия, первом российском аэроплане Кудашева, женитьбе сына предводителя местного дворянства и о многом другом, что кажется нынче далёким и невероятным.

Наверное, таким же невероятным показался бы тогда рассказ о колчаковском отступлении, о Великом Сибирском Ледяном Походе, о боях возле Японского моря, на последнем клочке Белой Земли в ноябре 1922-го года.

Но всё это у капитана Одинцова впереди. И поход, и бои, и отступление уже в звании полковника, и эмиграция в Шанхай. И всегда с ним будет старинная статуэтка как память об отце и матери, о безоблачной юности в Одинцовке, о радостном, тёплом лете 1909-го года...

Глава 3. Шанхай, июль, 1940

– Господин Такэда, там вас спрашивают.

– Кто спрашивает?

– Китаец какой-то, Ли Гэн.

– А ну, давай его сюда.

Старик китаец зашёл, мелко кланаясь, и почтительно остановился на пороге. Такэда вопросительно поднял брови и показал на циновку возле низкого столика.

– Говори, – отрывисто бросил он.

Китаец неодобрительно покачал головой – по восточному этикету следовало сначала спросить о самочувствии собеседника, поговорить о семье, а потом уже приступать к делу. Но что поделаешь! Ли Гэн был скромным домохозяином, сдающим внаём комнаты, а Акайю Такэда¹ большим чиновником, и не ему, старому китайцу, устанавливать свои правила.

Ли Гэн ещё раз вздохнул и промолвил:

– У меня снимал комнату русский эмигрант, полковник. Вчера он умер – долго болел, кашлял, а потом умер. Я не мог выбросить его на улицу, там дождь и холод, а он сильно больной был. И денег уже не имел.

Японец не прерывал старика. Ли Гэн никогда ничего не говорил просто так. Если он долго и нудно рассказывает про какого-то русского квартиранта, значит, что-то припас. Китаец, несмотря на затёртую внешность, был не последним человеком в своём квартале, знал всех и вся и часто снабжал Такэда интересными вещицами, которые скупал за бесценок у своих соотечественников или обедневших русских эмигрантов и перепродавал ему.

– И он остался тебе должен за комнату за месяц, и у него сохранилось кольцо с фальшивым бриллиантом в десять карат, которое ты сейчас будешь мне пытаться продать! – расхохотался Такэда.

Ли Гэн был напрочь лишён чувства юмора. Он вежливо покачал головой и сказал:

– Не за месяц, а только за неделю. И не кольцо с бриллиантом, а статуэтку.

– Статуэтку? Золотую, серебряную, нефритовую?

– Нет, Такэда-сан, деревянную. Но она очень древняя и стоит больших денег, это же видно!

– Покажи.

Старик долго распутывал не первой свежести тряпку, достал, наконец, шкатулку и протянул японцу. Тут Такэда допустил стратегический промах. Делать равнодушный и даже разочарованный вид надо было сразу, заранее, чтоб не упустить момент. А он упустил. И не смог удержаться от того, чтобы слегка поднять брови, увидев великолепную фигурку Будды из розового дерева, явно древнюю и дорогую. Конечно, даже это едва заметное движение сразу уловил Ли Гэн.

– Как она попала к русскому эмигранту? – отрывисто спросил Такэда.

Старый китаец равнодушно пожал плечами:

– Откуда мне знать, Такэда-сан? Квартиранты платят старому Ли Гэну за жильё деньгами, а не историями своей жизни.

– Хорошо, я возьму её. Ты сможешь покрыть все свои расходы за невыплаченную комнату, хлопоты и волнения, связанные с этим, и даже останется немного денег на несколько трубочек табаку и чашек рисовой водки.

¹ В романе все японские имена указываются в русской, или европейской традиции: имя-фамилия. Традиционное японское написание: фамилия-имя употребляется только при упоминании официальных документов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.